

УДК 1
ББК 87.5

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10813

Проблемы одиночества, его измерения и компенсации

В. И. Гладышев¹, А. В. Кузнецова², Е. Г. Миляева¹

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Московский авиационный институт (Научно-исследовательский университет), Москва, Россия

В статье анализируется глобальная проблема современности — проблема одиночества. Одиночество рассматривается авторами в связи с переживаемым человечеством кризисом в общении. Одиночество — индикатор неудовлетворенности человека качеством общения, в которое он вовлечен. Минимизировать одиночество можно, лишь усовершенствовав общение людей. Этому способствуют измерение основных его характеристик и гармонизация коммуникативного мира личности посредством компенсаторного общения.

Ключевые слова: одиночество, общение, виртуальное общение, компенсаторное общение, измерение одиночества, самоутверждение личности, эмоциональные компоненты общения.

Введение

Сегодня в научном познании все большую актуальность приобретает проблема структуры научного познания. В том числе вопрос о соотношении, взаимообусловленности теоретического и эмпирического уровней познания. Весьма желательно в тех эпистемологических ситуациях, когда это принципиально возможно, подтверждение теоретических положений эмпирическими данными. И наоборот, в эмпирических результатах есть определенная незавершенность если они не подкреплены теоретическими положениями, заключающими в себе эвристическую составляющую. Характерно также и то, что ныне исследователи отмечают тесное сближение, взаимопроникновение социально-гуманитарного и естественно-научного знания. Так в философии используются системный подход и принцип дополнительности; в естественных и технических науках осуществляется ценностный подход; в физике и космологии сформулирован антропный принцип; осуществляются поиски признаков эстетически привлекательного математического объекта; стремительно развивается когнитивистика, представляющая собой продуктивное единство естествознания и гуманитаристики. И наконец, что имеет непосредственное значение для нашего исследования, метод измерения, издавна характерный для естествознания и технических наук, все шире применяется при изучении личности и социума. Становится очевидным, что метрологическая составляющая приобретает все больший масштаб и значимость при исследовании социальных процессов. Особенно отчетливо проявляется сказанное при изучении проблемы одиночества.

Все чаще ученые и деятели культуры с тревогой заявляют о кризисе общения. Следствие этого

кризиса — превращение одиночества в глобальную проблему современного человека. Это ставит перед представителями социально-гуманитарного знания, и не только перед ними, вопросы о том, как это состояние преодолевается людьми в реальной жизни, каковы возможные пути этого преодоления, от чего они зависят, как влияют на жизнедеятельность личности, на ее социальный облик и т. д. Из сказанного следует, что общение и одиночество необходимо рассматривать в неразрывной связи друг с другом. Важно также соблюдать единство эмпирических и теоретических аспектов исследования одиночества. Именно так происходило его изучение примерно со середины прошлого столетия за рубежом. С важными результатами этих исследований, главным образом англоязычных, на исходе 1980-х познакомили в объемной монографии как специалистов, так и всех, кто интересуется данной проблемой [3]. В нашей стране пик научных исследований одиночества социально-гуманитарными науками по вполне понятным причинам идеологического порядка приходится на 90-е годы XX в. Именно в это время проблема одиночества начинает исследоваться в различных отраслях гуманитарного знания, в том числе с использованием социологами и психологами оригинальных эмпирических подходов. Эти исследования составляют эмпирический базис философских работ, посвященных проблеме одиночества. Практически не по одной диссертации в год защищается по данной проблеме. Появляются также содержательные научно-популярные издания, вызывающие интерес читателей.

Последующие годы были не менее урожайными в плане защит диссертаций по проблеме одиночества: Е. В. Тихонова (2002), Г. В. Тихонов (2006),

Р. К. Нуреева (2006), Т. Ю. Денисова (2008), Е. Н. Заворотных (2009), Е. Е. Рогова (2012), А. Ф. Фаррахов (2014) и др. Нельзя не согласиться с теми из исследователей, кто утверждает, что исследование одиночества становится воистину русской темой.

Однако по причине многомерности данных вопросов процесс их разрешения далек от завершения. До сих пор в полной мере не выявлена разрушительная сила одиночества, хотя некоторые из ученых называют его «чумой XX века».

Любое социально-гуманитарное исследование должно опираться на прочное философское основание, имеющее фундаментальную доказательную базу. Не теряя связи с результатами эмпирического исследования и их непосредственными обобщениями, автор должен быть способен погрузиться на метафизическую глубину изучаемой им проблемы. Следовательно, необходимо учитывать опыт глубоких метафизических размышлений об одиночестве представителей западной и отечественной философской классики и литературы. В нашем случае это социально-философское исследование актуальных проблем одиночества, которое целесообразно осуществлять в неразрывной связи с анализом вопросов человеческого общения.

Природа одиночества

Тема одиночества и общения входила в круг теоретических интересов мыслителей прошлого еще со времен Аристотеля. Достаточно, например, рассмотреть под этим углом зрения три его этики, в которых Стагирит раскрывает нравственный смысл человеческого общения и уединения. На протяжении столетий формировался обширный компендиум глубоких рассуждений и лаконичных афористичных высказываний великих как об общении, так и об одиночестве. Афористичные высказывания великих об одиночестве проходят сквозь столетия. Одиночество часто воспринималось ими как знак избранности и аристократизма.

И прежде и ныне нередки как теоретические так и досужие обыденные рассуждения о «хорошем» и «плохом» одиночестве. Авторам невдомек, что они не берут в расчет внутреннюю коммуникацию — «самообщение» (К. С. Станиславский) — и смешивают понятия «одиночество» и «уединение». Уединение — дело свободного выбора, одиночество обладает принудительной силой. Однако склонность к уединенной жизни может перерасти в одиночество. Этот процесс очень тонко проанализировал Герман Гессе в романе «Степной волк». В своем стремлении к независимости и уединению главный герой прохо-

дит некую «точку невозврата» и с этого момента выясняется, что его уединение и независимость, к которым он безудержно стремился, уже не являются делом свободного выбора, а его тяжким жребием. Изменить это положение становится невозможным. Мир отвернулся от Гарри Галлера совершенно непоправимым образом. Если для героя романа Германа Гессе одиночество сопровождается страданием, тоской по человеческой близости, то специальные исследования социологов и социальных психологов обращают наше внимание на связь одиночества с развитием депрессивных состояний личности, снижением ее самооценки, самообвинением и агрессивным поведением.

Любопытно и то, что новейшие исследования в области биологии подтверждают значимость для человека полноценного общения и губительность одиночества на уровне физиологии. Человек в процессе эволюции прошел длительную школу групповой социализации. Только сообща люди могли противостоять вызовам природы и враждебных сообществ. Наш организм воспринимает одиночество как незащищенность. По мнению профессора Качиоппо, хронический стресс, вызванный одиночеством, ведет к гормональной разбалансировке человеческого организма, угрожающей здоровью человека и даже его жизни [1, с. 112—113].

Однако антиномически противостоят друг другу подходы ученых к вопросу о природе одиночества. Одни трактуют его по преимуществу как некое состояние сознания, как переживание, детерминированное определенными индивидуальными особенностями личности. И в этом есть правда, но не вся правда. Другие во главу угла ставят сложившуюся жизненную коллизию, способствующую разобщенности личности с его окружением. Сказанное не исключает, а предполагает синтез индивидуальной и социальной детерминант одиночества. Психологическая трактовка одиночества, разумеется, не исчерпывается сказанным. Переживание одиночества может быть легко истолковано одними как аномалия и как норма, как естественное состояние — другими. Одни трактуют одиночество как онтологическую категорию, другие — как психологическое состояние, внезапно обрушивающееся на человека. Это состояние может быть кратковременным и проходящим. Взятое же в онтологическом измерении одиночество непреодолимо. Для Бена Миусковича одиночество непреодолимо в силу того, что одиночество есть сущностное измерение человеческого бытия как в метафизическом отношении, так и в психологическом. [4, с. 66]. Одновременно с этим широко известна иная точка зрения,

антиномически противостоящая приведенной выше. Широкое хождение в XX веке получили концепции о диалогической природе человека, выражающей сущность человеческого существования. Человек — это общение.

Таким образом, можно говорить о двух антиномически противостоящих друг другу мировоззренческих представлениях: человек онтологически пребывает в непреодолимом одиночестве; человек «обречен на общение». Реальные отношения эмпирических субъектов «витают» над этими крайностями. Они одновременно «и то, и другое» и «ни то и не другое». В этом витании общение доминирует как субстанция человеческого бытия. Одиночество не субстанциально. Оно есть индикатор качества общения. В одиночестве фиксируются деформации наших отношений с окружающими, наша неудовлетворенность сложившейся системой общения. Вне системы общения наше существование немислимо. Даже, например, строгая депривация не освобождает нас от общения с самим собой. Я общаюсь, следовательно, существую. Абсолютное одиночество — это смерть!

Некоторые исследователи при анализе структуры одиночества различают космическое, культурное, социальное и межличностное измерение одиночества [7]. Казалось бы, что речь идет здесь о своего рода метафорах. Но важно то, что структурирование одиночества тесно связано с представлением о сложности жизненного мира личности в указанном отношении. Оно направлено против узкого понимания современной коммуникативной ситуации. Если мы пытаемся измерить остроту переживания одиночества, то мы должны прежде всего определить в каком измерении или в каких измерениях одинок человек, какие измерения одиночества в их качественном составе могут выступать наибольшей угрозой для современного человека с определенными социальными характеристиками.

Следовательно, пока человек жив, ему угрожает относительное одиночество, и главная проблема состоит в том, насколько лично он толерантен к дефициту общения и в каких именно его измерениях. Острое переживание одиночества побуждает личность к коммуникативной активности, к поиску компенсирующих неудовлетворительное общение отношений.

Измерение одиночества

Трактовка сущности понятия «измерение» в XX веке оказалась довольно динамичной. Если прежде понятие «измерение» применялось лишь в отношении измерения физических свойств материальных объектов, то сегодня подобная точка

зрения становится дискуссионной. Развитие научного знания, расширение и углубление его предметных областей потребовало сближения методов естественных и социально-гуманитарных наук. В свою очередь, эволюция гуманитарного знания потребовала от него преодоление описательности и применения методов точных наук. Так, уже с начала XX века по век нынешний формируются новые подходы к измерению, взятому в широком смысле этого слова. Они, разумеется, не могут дублировать классическую метрологию, но стремятся приблизиться к ней в плане точности полученных результатов. так как включают в себя экзистенциальные аспекты, которые не могут быть формализованы. Заявляя в нашей статье об измерении одиночества, мы вдохновлялись теорией измерения нематериальных свойств, разработанной в последние годы известным метрологом, профессором Игорем Федоровичем Шишкиным (1936—2018). И. Ф. Шишкин страстно стремился расширить границы классической парадигмы метрологии и использовать новые представления об измерении в социально-гуманитарном знании [10]. Следует подчеркнуть, что в этом встречном движении инициатива в значительной степени принадлежит представителям точных наук. Среди них важную роль играют сотрудники Всероссийского института метрологии им. Д. И. Менделеева Р. Е. Тайманов и К. В. Сапожникова.

Появившаяся в 1968 году квалиметрия представляла возможность измерения качества и, что самое главное, работы в пространстве измерения нематериальных свойств. А что такое одиночество, как не нематериальное свойство, присущее определенному типу личности, или состояние человека в определенной жизненной ситуации? И разве можно успешно вести борьбу с ним, не используя как уже испытанные, так и новые средства измерения? Можно считать, что тенденция к расширению использования методов точных наук в гуманитарной сфере, начавшаяся в XX веке, все больше набирает силу. Набирает силу и сопротивление жесткому метрологическому подходу к измерению. Кроме того в самом жестком метрологическом подходе наметилась тенденция к смягчению. «Сравнительно недавно, — писал И. Ф. Шишкин, — под измерением понимали «нахождение значения физической величины опытным путем с помощью специальных технических средств». Постепенно из этого определения исчезло прилагательное «физическая» к существительному «величина», а затем и упоминание о «технических средствах». Современное определение измерения, установленное законом (См.: Федеральный закон от 26.06.2008-ФЗ

«Об обеспечении единства измерений» — В. Г., А. К., Е. М.), выглядит следующим образом: «Измерение-совокупность операций, выполняемых для определения количественного значения величины» [10]. Из сказанного логично заключить, что вполне допустимо измерение нефизических величин, например измерение качества. В том числе измерение качества общения. Комментируя определение терминов «измерение», «качественное свойство» и др., приведенные в 3-й редакции международного словаря по метрологии (VIM), Р. Е. Тайманов и К. В. Сапожникова предлагают скорректировать указанную терминологию в следующем издании VIM с учетом распространения измерений на новые области в связи с изменением приоритетов научного поиска и с возникновением новых практических запросов потребителей. При этом Р. Е. Тайманов и К. В. Сапожникова справедливо считают, что в *International Vocabulary of Metrology — Basic and General Concepts and Associated Terms*, 3rd edn., 2008 version with minor corrections, BIPM, JCGM 200, 2012. (VIM) [11] уже «...сделан существенный шаг в сторону расширения сферы измерения» [12]. Но это движение может быть продолжено уверены они. В целом ряде своих публикаций и во время выступлений на отечественных и международных форумах ученые предлагают и обосновывают предложения по последующей коррекции основных понятий метрологической терминологии в следующем издании VIM. Это, по их мнению, позволит расширить сферу измерений, где предметом исследования выступает человек, одновременно не снижая требований к результатам оценки измерений.

Анализируя содержание примечаний к фундаментальным терминам словаря VIM, Р. Е. Тайманов и К. В. Сапожникова обращают наше внимание на то, что измеряемые величины могут быть нефизическими [8]. Эвристично для исследования одиночества в связи с компенсаторными процессами звучат предложения по поводу коррекции термина «качественное свойство» [8]. Трудно не согласиться с авторами, что «Количественное значение не присваивают, если в этом нет общественной потребности или эта потребность нереализуема при современном уровне науки. Одно и то же свойство в зависимости от его использования может быть величиной или качественным свойством» [8]. А поскольку одиночество трактуется нами как показатель такого качества общения, которое не удовлетворяет коммуникативных потребностей субъекта, то приведенный выше подход к измерению представляется нам весьма эвристичным.

Тема одиночества безбрежна, тем более если пытаться обозначить ее в границах культуры, ис-

кусства, литературы, философии, религии etc. Да и в науке она выступает как междисциплинарная проблема, естественно, в единстве с темой общения. Н. А. Бердяев считал тему одиночества основной. Общение — обратная сторона одиночества. Как главные экзистенциалы человеческого бытия они фиксируют разобщенность и связанность людей. Между тем в научном плане мы погрузились в данную тему, несмотря на ее теоретическую и практическую значимость, не так глубоко, как хотелось бы. Не покидает ощущение, что ее исследование не только далеко от завершения, но и находится в самом начале. Многообразие теоретических конструкций, раскрывающих природу одиночества, часто зависит от состава эмпирического материала, которым располагают исследователи. И наоборот, зачастую определяющую роль играет подход к проблеме одиночества, которой придерживается тот или иной ученый. Вероятно, будущее за синтетическими концепциями одиночества.

Дэниел Рассел, один из создателей шкалы измерения одиночества UCLA, говорил, что еще относительно недавно по поводу трудностей для измерения одиночества звучали следующие утверждения: 1) о дефиците эмпирических материалов посвященных проблеме одиночества; 2) об отсутствии необходимого для осуществления процедуры измерения инструментария [6, с. 192]. Ныне ситуация стремительно меняется. Изобретено много систем измерения одиночества. Но указанное множество может быть сведено к двум концептуальным подходам: одномерному и многомерному.

Одномерные системы одиночества, или, как их еще называют, глобальные системы обладают высокой степенью достоверности. Однако они представляют нам одиночество как некое единое явление, сопоставимое с другими целостными явлениями и отличающиеся от них лишь интенсивностью переживания. При этом в зависимости от вопросов, поставленных в анкете-опроснике, и контингента опрашиваемых была получена информация, касающаяся самооценки испытуемых, уровня их озабоченности, ранимости агрессивности, депрессивности, эгоистичности и т. д.

Относительно многомерных шкал измерения, очевидно, что они позволяют устанавливать неудовлетворенность личности различными типами отношений с окружающими и определять, в какой мере удовлетворены их экзистенциальные потребности: смысложизненные, в интимной дружбе, самоуважении, безопасности и др. К сожалению, редко используется метод экспертных оценок (И. Ф. Шишкин). По нашему мнению,

наиболее полное и глубинное измерение могло бы быть достигнуто на путях синтеза одномерной и многомерной системы измерения одиночества с методом экспертных оценок места личности в системе общения.

Социально-гуманитарным аналогом эталона, применяемым при измерении физических величин, может служить прототип одинокой личности. Более того, уральский ученый Д. М. Полев убедительно доказал, что понятие «прототип» в сравнении с метрологическим понятием «эталон» наиболее аутентично при исследовании объектов социальной перцепции [5].

Л. М. Хорвиц с коллегами как раз успешно использовали в своем исследовании прототипа одинокой личности метод экспертных оценок [9]. Они отказались от того, чтобы описывать одинокую личность в общепринятых понятиях: «характеристика» или «тип», но воспользовались концепцией «разветвленной сети». Не вдаваясь в технические подробности проводимого ими исследования, заметим, что полученный материал был подвергнут процедуре иерархической кластеризации. Исследователи выявили, что одинокие люди особое внимание уделяют вопросам общительности. Им кажется, что источник их проблем в межличностном общении — недостаточная общительность, другими словами, активность в общении. В свою очередь, последняя проистекает из недостаточных способностей к общению, недостаточной привлекательности в общении, в значительной степени приписываемой. Таким образом, одинокий, оценивая свою индивидуальную коммуникативную ситуацию, склонен к самообвинениям и к самоизоляции. А это способствует еще большему отчуждению. Учитывая неразрывную связь общения и одиночества как качества общения, оно (общение) может раскрыться для нас с большей полнотой именно в свете метрологических приемов, рассмотренных выше. Нельзя не учитывать, что человек зачастую категорически не желает смириться с одиночеством и мобилизует свою коммуникативную активность в форме компенсаторного общения.

Проблема компенсаторного общения

Многие из тех, кто не смирился со своим одиночеством, борются с ним. К сожалению, эта борьба зачастую носит стихийный характер. Так возникает компенсаторное общение (от лат. compensation — возмещение). Компенсаторное общение возмещает дефициты повседневного общения личности. Изменения, происходящие в содержании общения, затрагивают не только сферу коммуникации. Общение является подси-

стемой всех видов деятельности. Поэтому изменения инициированные компенсаторным общением затрагивают все стороны бытия личности и общества. Даже в тех случаях, когда эти изменения носят до определенного времени латентный характер. Наиболее распространены сменяющие друг друга проявления компенсаторного общения в молодежной среде. И это не случайно, ибо наиболее уязвимыми для одиночества оказываются дети и молодые люди до 30 лет. Здесь можно обнаружить как ситуативное, проходящее, преодолимое одиночество, так и одиночество хроническое. Опасность последнего состоит в том, что, возникнув в весьма юном возрасте, способно сопровождать человека в течение всей его жизни. Опрашиваемые часто избегают прямого ответа на вопрос: «Одинок ли я?», ибо это означало бы признать свое поражение. Подобные признания стигматизируют личность. Делает ее «оттесненной», например, в учебном коллективе. В последнее время среди молодежи приобретают широкое хождение виды деятельности, удаленные от непосредственного места работы. Работа вне офиса создает психологический дискомфорт. Ученые утверждают, что работа вне офиса вызывает чувство одиночества. В связи с ростом интенсивности общения в сетях, массовым увлечением молодых компьютерными играми увеличивается число компьютерных аддиктов, а следовательно, людей, затрудняющихся поддерживать полноценное традиционное общение. Компенсаторное общение побеждает одиночество лишь в случае сверхкомпенсации, а чаще смягчает его или, что еще драматичнее, заменяет одну его форму иллюзорной (мнимой) компенсации другой. Не следует забывать и о том, что второй группой одиноких, естественно имеющей несколько иную природу, являются люди пожилого возраста после 60 лет.

Компенсаторное общение логично оценивать как «общение ради общения». Это означает то, что оно осуществляется во имя обретения ценностей, заключающихся непосредственно в самоценном взаимодействии между «Я» и «Ты». Компенсаторное общение восполняет недостающие компоненты общения, «вплетенного» в предметную деятельность, общения не самоценного и зачастую носящего вынужденный характер, общения функционально-ролевого, не спасающего от одиночества. Анализируя современные условия общения, мы приходим к выводу, что наиболее насущными и, следовательно, нуждающимися в компенсации компонентами общения выступают эмоциональные и деятельностно-волевые составляющие. Среди них мы выделяем потребность в эмоциональном насыщении и потребность

в самоутверждении. Здесь и будет пролегать, по нашему мнению, генеральная линия компенсации средствами общения. Ее реализация может иметь различное ценностное наполнение. Широкое распространение имеют примитивный гедонизм и иллюзорное, мнимое самоутверждение. Они, как правило, осуществляются в различных группировках молодежи с девиантной направленностью. Интерес к участию в подобных сообществах в значительной степени подкрепляется трудностями осуществления общения за пределами сферы досуга. Очевидно то, что они имеют социально-компенсаторную природу. Об этом свидетельствуют результаты исследований экстремальных видов досуга молодежи. Для него характерен примитивный гедонизм, сочетающийся с жестокостью к окружающим и к себе самому, часто принимающий форму безудержного вандализма [2] Таковы паркур, общение в границах субкультуры догхантеров, кроукиллеров (охотников на ворон), пиплхейтеров (охотников на бомжей, гастарбайтеров) и др. Тенденция разрастания модальностей компенсаторного по сути поведения существенно возрастает. На фоне иллюзорной компенсации в действительности происходит реальная декомпенсация личности в сфере общения, зачастую сопровождающаяся ее деградацией.

Было бы существенным «перекосом», если бы мы говорили только о тех формах компенсаторного общения, которые вызывают у нас наибольшую озабоченность. Не следует забывать о сверхкомпенсации средствами общения. В отличие от декомпенсации (угасающая компенсация) она способствует личностному росту и радикальному преобразованию партнеров по общению на основе диалогического взаимоутверждения. Таковы, например, различные формы совместной художественной деятельности, реконструкции исторических событий, волонтерство, которое сегодня, в условиях пандемии, принимает небывалую широту, и пр.

Особое значение имеют мероприятия, специально направленные против одиночества.

Чрезвычайно важным и в теоретическом, и в практическом отношении представляется исследование аутокоммуникации вообще, компенсаторной в особенности. Ибо они выступают в качестве особого способа внутренней саморегуляции личности, смягчения ее одиночества и наконец ее самоизменения. В компенсаторной аутокоммуникации круг общения личности приобретает способность к расширению и углублению, точнее, самоуглублению. В аутокоммуникации реализуется важная функция общения — функция самопознания. Не менее важно также следующее: сближает ли в конечном счете указанная форма активно-

сти человека с социально значимым кругом людей или, напротив, изолирует от него. Сказанное справедливо и для виртуального общения в сети.

Опираясь на разработанную нами концепцию компенсаторного общения [2] и понятия, с помощью которых она выражена, и, самое главное, анализируя при их помощи коммуникативную ситуацию (объективные условия и средства общения) последних лет, становится очевидным, что область ее приложения может быть существенно расширена. Общение в Интернете, в киберпространстве, в социальных сетях оказывает колоссальное влияние на современную жизнь, на личность, на ее стиль общения. Причем необходимо подчеркнуть, что и здесь и далее речь у нас пойдет не об общении, «вплетенном» в предметную деятельность, а прежде всего об «общении ради общения», то есть о компенсаторном общении, которое, как об этом говорилось ранее, восполняет, возмещает, уравнивает деформации, возникающие в повседневном общении. Характерно, что в этих контактах при конкретном их рассмотрении отчетливо просматриваются: прямая компенсация (увлечение без излишнего фанатизма), декомпенсация (связанная с деградацией или по крайней мере утратой некоторых социальных свойств — аутизм) и сверхкомпенсация (способствующая личностному росту, позитивному переждению личности на основе диалогического взаимоутверждения).

В этих контактах личность обретает как реальную, так и иллюзорную компенсацию. Что не исключает, а скорее, предполагает антиномичность результата общения. Элементы «общения ради общения» дисперсно распространены в массиве «вплетенного» общения и наоборот. Антиномичность и компенсаторный характер общения в социальных сетях часто отмечаются теми, кто не является интернет-аддиктом и сохранил способность адекватной рефлексии своих компьютерных пристрастий.

Возникновение компьютерной связи, существенно расширило содержание понятия «аддиктивное поведение». Если обратиться к его определению в те времена, когда оно было более редким явлением (и не включало в свое число армию компьютерных аддиктов), но уже привлекало внимание исследователей, то оно означало социальное поведение, проявляющееся в форме ухода от реальной действительности посредством изменения сознания при помощи приема химических препаратов либо посредством навязчивого сосредоточения внимания аддикта на значимых для него предметах или видах деятельности. Такое поведение сопровождается интенсивными

переживаниями. Перечисленные выше признаки разрастаются до такой степени, что приобретают отчужденный от их носителя характер, набирают силу и начинают управлять жизнью человека, делают его беспомощным орудием собственного пристрастия, лишают воли к сопротивлению. Уход в киберпространство — это своего рода уход от реальности. Возникает, пожалуй, преувеличенное опасение, что когда-нибудь общение в сетях окончательно вытеснит живое, непосредственное общение «лицом к лицу». Мы уверены, что этого никогда не произойдет. Ведь зачастую общение в Интернете служит первым шагом для сближения, установления контакта, непосредственного лично-ориентированного общения людей. Заметим также и то, что инструментальное общение по своей направленности все больше приближается, воспроизводит особенности общения лицом к лицу (например, общение по «Скайпу»). Но антиномию живому общению все-таки заключает в себе эскапизм в киберпространстве. Он намного мощней и гораздо более доступен для своего осуществления, чем реальный эскапизм прошлого. Здесь безграничные возможности сталкиваются с новыми опасностями. Религия, любовь, искусство, представленные в киберпространстве, с фантастической силой могут не отпустить человека в мир монотонных буден.

Если сделать основной упор на некоторых специфических особенностях общения в Интернете, то можно выделить такое его свойство, как анонимность. Благодаря анонимности виртуального контакта человек может экспериментировать со своей собственной идентичностью. В его силах создать электронного двойника и наделить его той биографией, возрастом, полом, какими он пожелает. Проблема самореализации часто бывает непростой задачей, особенно для молодого человека. Разумеется, виртуальная самореализация не может подменить реальную, но она может ее облегчить. Особого внимания заслуживает вопрос о способах компенсаторного самоутверждения молодежи, в том числе престижного самоутверждения [2]. Хотелось бы отметить, что сам факт виртуозного владения компьютером у представителей эпохи постмодерна создает иллюзию превосходства, повышает в их воображении собственный статус в сравнении с престарелыми

представителями эпохи модерна. Но этот статус скорей иллюзорный, чем реальный.

К сожалению, злоупотребление анонимностью порождает и противоположные явления: троллинг (это злонамеренное общение в сети, провоцирующее скандалы участников, кибербуллинг (киберзапугивание). Это иллюзорное самоутверждение путем отрицания другого/других. Оно в первую очередь наносит удар, способствует моральной деградации личности самого троллера. Здесь мы имеем дело с декомпенсацией средствами общения. Иллюзорно самоутверждаются и те, что внушают несовершеннолетним готовность к суицидальным поступкам, к разнообразным формам девиантного поведения. Безудержная погоня за «лайками», легко превращающаяся в состязательность самого примитивного, а подчас вульгарного толка (коммерческий аспект мы здесь в расчет не берем) есть ни что иное, как иллюзорное самоутверждение.

Безусловно, креативной стороной общения в Интернете выступает индивидуальное и коллективное творчество, художественное, интеллектуальное и игровое. В этих формах заключен момент сверхкомпенсации средствами общения. Все чаще непосредственное общение органически сочетается с виртуальным. Это требует высокой культуры общения, стремления к достижению высоких целей, уважения к личности и т. д. Не только информационные технологии должны быть предметом постоянного обсуждения, но и нравственные аспекты работы в сети.

Заключение

Проведенное нами исследование показывает, что мы находимся в самом начале пути исследования одиночества. Что одиночество и общение — две стороны одной медали, и при их анализе целесообразно использовать антиномический метод, так как здесь мы сталкиваемся с трансрациональными событиями. Концепция компенсаторного общения показывает, каким образом и с какими результатами личность может преодолевать деформации и монотонность повседневного одинокого бытия. Мы остро нуждаемся в предельно общей теории одиночества, которая выступала бы в качестве методологии для детального исследования этого явления и ослабления его влияния на нашу жизнь.

Список литературы

1. Бочкаева, Р. Ты и только ты / Р. Бочкаева // Vogue. — 2018. — № 5. — С. 112—113.
2. Гладышев, В. И. Компенсаторное общение: социально-философский анализ / В. И. Гладышев. — Екатеринбург : Банк культурной информации. 1999. — 292 с.

3. Лабиринты одиночества : пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М.: Прогресс, 1989 — 624 с.
4. Миускович, Б. Одиночество: междисциплинарный подход / Б. Миускович // Лабиринты одиночества. — М. : Прогресс. — 1989. — С. 52—87.
5. Полев, Д. М. Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком / Д. М. Полев // Вестник ЮУрГУ. — 2009. — № 18. — С. 19—25.
6. Рассел, Д. Измерение одиночества / Д. Рассел // Лабиринты одиночества. — М. : Прогресс, 1989. — С. 192—226.
7. Садлер, У. А. От одиночества к аномии / У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон // Лабиринты одиночества. — М. : Прогресс, 1989. — С. 21—51.
8. Тайманов, Р. Е. «Измерение» и связанные с ним понятия. Состояние и перспективы развития / Р. Е. Тайманов, К. В. Сапожникова // Приборы. — 2013. — № 3. — С. 45—56.
9. Хоровиц, Л. М. Прототип одинокой личности / Л. М. Хоровиц, Р. С. Френч, К. А. Андерсон // Лабиринты одиночества. — М. : Прогресс, 1989. — С. 243—275.
10. Шишкин, И. Ф. Измерения нефизических величин (измерения в ноосфере) / И. Ф. Шишкин // Экономика качества. — 2016. — № 2 (14). — URL: www.eg-journal.ru.
11. International Vocabulary of Metrology — Basic and General Concepts and Associated Terms. — 3rd edn., 2008 version with minor corrections. — BIPM, JCGM 200, 2012.
12. Sapozhnikova, K. “Measurement” and related concepts. Their interpretation in the VIM / K. Sapozhnikova, A. Chunovkina, R. Taymanov // Measurement. — 2014. — Vol. 50 (1). — April. — Pp. 390—396. — URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.measurement.2013>.

Сведения об авторах

Гладышев Владимир Иванович — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. phil@susu.ru

Кузнецова Алена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры И-12 Института иностранных языков, Московский авиационный институт (Научно-исследовательский университет), Москва, Россия. phil@susu.ru

Миляева Екатерина Галимулловна — старший преподаватель кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. miliaevaeg@susu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).
Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 86—94.*

Problems of loneliness, its measurement and types of compensation

V. I. Gladyshev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. phil@susu.ru

A. V. Kuznetsova

Moscow Aviation Institute (Research University), Moscow, Russia. phil@susu.ru

E. G. Milyaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. miliaevaeg@susu.ru

The article is devoted to one of the problems of greatest importance of our time — the problem of loneliness. Its nature is analyzed in connection with the crisis in the process of communication. At the same time, communication is to be considered as the substance of human existence. Loneliness is not substantial; it is only the consequence of the unsatisfactory quality of any available forms of communication. You can minimize loneliness by improving communication between people. Mitigating the sharpest forms of loneliness involves measuring, evaluating its manifestations. Particular attention is paid to the analysis of compensatory communication as a way of harmonizing the communication world of the individual. It is also considered that compensatory communication can create both (+) and (–) harmony in the communicative world of a person. In the first case, compensatory communication acts as an overcompensatory one, contributing to a personal growth. In the second one, decompensation (fading compensation) takes place. It is illusory and imaginary that ultimately leads to the personality destruction. The modern communicative situation is characterized by

the expansion of the sphere of compensatory communication (communication in networks), the increasing role of self-affirmation function via communication and its emotional components.

Keywords: *loneliness, communication, virtual communication, compensatory communication, measurement of loneliness, self-affirmation of personality, emotional components of communication.*

References

1. Bochkaeva, R. *Ty i tol'ko ty* [You and only you]. *Vogue*, 2018, no. 5, pp. 112—113. (In Russ.).
2. Gladyshev V.I. *Kompensatornoe obshchenie: social'no-filosofskij analiz* [Compensatory communication: social and philosophical analysis]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informatsii, 1999. 292 p. (In Russ.).
3. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress, 1989. 624 p. (In Russ.).
4. Miyuskovich B. *Oдиночество: mezhdisciplinarnyj podhod* [Loneliness: an interdisciplinary approach]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress, 1989. Pp. 52—87. (In Russ.).
5. Polev D.M. Etalon, prototip i stereotip kak mekhanizmy vospriyatiya cheloveka chelovekom [Standard, prototype and stereotype as mechanisms of human perception by human]. *Vestnik YUUrGU* [Bulletin of SUSU], 2009, no. 18, pp. 19—25. (In Russ.).
6. Rassel D. *Izmerenie odinochestva* [Measurement of loneliness]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress, 1989. Pp. 192—226. (In Russ.).
7. Sadler U.A., Dzhonson T.B. *Ot odinochestva k anomii* [From loneliness to anomie]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress, 1989. Pp. 21—51. (In Russ.).
8. Tajmanov R.E., Sapozhnikova K.V. «Izmerenie» i svyazannye s nim ponyatiya. Sostoyanie i perspektivy razvitiya [“Measurement” and related concepts. State and development prospects]. *Pribory* [Instruments], 2013, no. 3, pp. 45—56. (In Russ.).
9. Horovic L.M., French R.S., Anderson K.A. *Prototip odinokoj lichnosti* [The prototype of a lonely personality]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress, 1989. Pp. 243—275. (In Russ.).
10. Shishkin I. F. *Izmereniya nefizicheskikh velichin (izmereniya v noosfere)* [Measurements of non-physical quantities (measurements in the noosphere)]. *Ekonomika kachestva* [Economy of quality], 2016, no. 2 (14). Available at: www.eg-journal.ru (In Russ.).
11. *International Vocabulary of Metrology — Basic and General Concepts and Associated Terms*. BIPM, JCGM 200, 2012.
12. Sapozhnikova K., Chunovkina A., Taymanov R. “Measurement” and related concepts. Their interpretation in the VIM. *Measurement*, 2014, vol. 50 (1), April, pp. 390—396. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.measurement.2013>.